УЮТНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Сорок дней до наследства

Милана Панова
Сорок дней до наследства

https://litres.ru/74865922
SelfPub; 2026

Аннотация

Сорок дней. Ровно столько Вера Лаврова должна прожить в доме покойной тётки, чтобы получить наследство. Бывший следователь, уволенная из Петербурга после громкой ошибки, не собиралась задерживаться в Ушневе ни на день.

Но на девятинах тётки умирает нотариус, только что зачитавший завещание. Яд был в чаепитии. Гости ещё в доме, и у каждого был повод желать смерти и старому нотариусу, и самой Аглае. Мост размыт паводком, полиция доберётся лишь к утру.

Если Вера уедет, дом достанется двоюродному брату. Если останется, будет жить под одной крышей с убийцей. А в тётушкиной шкатулке она находит письма, и в одном из них имя, которое не слышала двадцать лет: имя её пропавшей сестры.

Каждый сосед лжёт. Каждая комната что-то прячет. У Веры есть сорок дней, чтобы узнать, кто убил нотариуса, зачем тётка заманила её домой и что случилось с Надей в то лето.

Уютный детектив с острой загадкой, закрытым кругом подозреваемых и героиней, которой веришь с первой страницы

Содержание

Пролог 4
Глава 2. Условия 6
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Милана Панова
Сорок дней до наследства

Пролог

Аглая Матвеевна дописала письмо в половине третьего ночи и некоторое время сидела, глядя на мокрое чёрное стекло. Дождь шёл вторые сутки. Он стучал по подоконнику с занудной аккуратностью, как ученик, который знает урок, но всё равно переспрашивает.

Она сложила лист втрое, запечатала конверт и надписала его своим учительским почерком, тем самым, которым сорок лет выводила на доске формулы. Потом открыла шкатулку, ту, что стояла на комоде и казалась всем просто безделушкой с облупившимся лаком, и положила конверт к остальным.

Их было семь. Семь людей, которых она хорошо знала. Один из них, и это она понимала почти наверняка, придёт на её девятины с улыбкой и пирогом.

Чай в этот вечер показался ей горче обычного. Она списала это на возраст, на ноябрь, на усталость. Допила, вымыла чашку и поставила её на сушилку донышком вверх, как делала всегда.

Во дворе, у калитки, скрипнуло. Аглая Матвеевна выклю-

чила лампу и стала ждать. Но никто не вошёл.

Через одиннадцать дней её не стало.

Глава 2. Условия

Ушнёв встретил Веру Лаврову так, как встречают человека, которого не ждали, но отлично помнили: молча, с прищуром и мелким холодным дождём.

Маршрутка высадила её на площади у памятника Ленину. Памятник за двадцать лет не изменился, только голубь на его вытянутой руке был, кажется, другой. Вера поставила чемодан на мокрый асфальт, подняла воротник и огляделась.

Аптека. Магазин «Продукты 24», круглосуточный лишь на вывеске. Здание бывшего райкома с тремя вывесками разом. И вдали, там, где площадь сбегала к реке, ряд старых деревянных домов на Набережной улице: резные наличники, проржавевшие водосточные трубы, дымок над одной из крыш.

Седьмой дом она нашла бы и с закрытыми глазами. Вера не хотела этого помнить, но память упрямо тащила её по знакомому маршруту: мимо колонки, мимо корявой рябины, мимо забора, который ещё в детстве казался ей слишком высоким для честных людей.

Дом был тот же. Двухэтажный, бревенчатый, потемневший от времени, с резным коньком на крыше и синими ставнями, когда-то яркими, теперь выцветшими до цвета старых джинсов. Тётка красила их каждый май, пока хватало сил. Видимо, последние три весны сил не хватило.

— Вера? Вера Андреевна?

От соседнего забора к ней уже спешила женщина в клетчатом платке и мужской куртке. Лет шестидесяти пяти, круглая, румяная, с руками, пахнущими дрожжами так сильно, что запах долетел раньше неё самой.

— Тамара Игоревна, — сказала Вера и сама удивилась, что вспомнила отчество.

— Господи, узнала! — Тамара всплеснула руками и тут же прижала её к своей куртке. Вера, не любившая объятий, вытерпела это как врач вытерпел бы прививку. — А я уж думала, не приедешь. Аглая Матвеевна всё говорила: приедет, приедет, а я думала, ну куда там, столица, дела... Ты прости, что я так, сразу. У нас тут всё по-простому.

— Ничего. Я не из столицы, из Петербурга.

— Ну так то же самое, — убеждённо сказала Тамара. — Идём, идём, я тебе ключ принесла. У меня второй был, на случай. Аглая сама отдала. Я и печку протопила, и бельё свежее, и пирогов принесла с капустой, ты любишь с капустой, я помню.

Вера не помнила, любит ли она пироги с капустой. Но промолчала. Было в этой женщине что-то настолько искренне заботливое, что возражать казалось почти неприличным.

Они вошли в калитку. Двор был запущен, но не заброшен: кто-то подметал дорожку, кто-то обрезал смородину. В углу, у забора, поникли тёмные кусты с жёсткими, словно резными листьями, которых Вера не помнила.

— Это что?

— Борец, — сказала Тамара. — Аглая его всё высаживала. Говорила, красиво. Я ей: тётя Аглая, он же ядовитый, а она: вот именно, для того и растёт.

Вера посмотрела на кусты ещё секунду и отвернулась.

Внутри дом пах яблоками, печным дымом и чем-то аптечным, валерьянкой или каплями. Знакомо до боли. Вера остановилась на пороге кухни и позволила себе минуту ничего не чувствовать. Это она умела: пятнадцать лет в следственном комитете научили держать лицо там, где лицо держать невозможно.

Стол. Клеёнка в мелкую клетку. Старая сахарница с отбитой ручкой. Белая эмалированная кружка на сушилке, донышком вверх.

— Девятины завтра в три, — сказала Тамара, выкладывая пироги на тарелку. — Я всё организую, ты не беспокойся. Придёт нотариус, Семён Аркадьевич, у него завещание. Придёт доктор наш, Лев Маркович, он Аглаю лечил. Марина придёт, сиделка. Гоша, двоюродный твой, он уже звонил. Денис мой. Человек шесть-семь, не больше. Скромно, как она хотела.

— Она хотела девятины? — Вера села на табурет. Табурет качнулся, как и двадцать лет назад.

— Она много чего хотела. Она ж всё расписала заранее. Всё. Даже кто что говорить будет.

В голосе Тамары прозвучало что-то такое, что Вера отме-

тила про себя и сунула в дальний ящик памяти. Привычка. Следователь не уходит из человека, даже когда человек уходит из следствия.

Следствие она оставила в мае. Дело Кравцова: безупречная цепочка улик, признание, камера, суд присяжных, который она, Вера, торопила. А потом, через четыре месяца после приговора, нашёлся настоящий убийца, и Кравцов-младший, двадцати трёх лет, провёл эти четыре месяца в СИЗО. Она написала рапорт сама. Никто не просил. Начальство попросило только одного: не делать из этого шоу.

Она и не стала. Она просто уехала в Петербург, в квартиру, где никто не ждал, и два месяца смотрела в потолок. А потом пришло письмо от нотариуса.

— Можно спросить? — сказала Вера. — Когда она умерла, это было… неожиданно?

— Для кого как, — Тамара вздохнула, разливая чай. — Доктор говорит, сердце. Она ж болела давно. А мне всё казалось, что в ней жизни на двоих хватит. Вот не поверишь: за неделю до смерти я у неё сидела, она мне про Надю рассказывала...

Тамара осеклась. Чашка в её руке дрогнула и звякнула о блюдце.

— Про Надю? — тихо повторила Вера.

— Ну... про то, как вы маленькие были. Прости, милая. Я не со зла.

Вера ничего не ответила. Она смотрела, как поднимается

пар над чаем, и считала до десяти. Потом до двадцати. Надя была её младшей сестрой. Надя исчезла в августе две тысячи шестого, в семнадцать лет, вышла из дома ночью и не вернулась. Следствие, которое вели тогда местные, закончилось ничем. Вера, двадцати одного года, студентка юрфака, приехала на сорок дней, и осталась на девять месяцев. А потом уехала и не возвращалась.

Тётка Аглая писала ей. Первые годы открытки, потом письма, потом просто короткие строчки: жива, здорова, всё по-прежнему. Вера отвечала всё реже. Последний раз они говорили по телефону три года назад, и разговор закончился ссорой, о причине которой Вера не любила вспоминать.

— Я пойду, — Тамара поднялась. — Тебе отдохнуть надо. Если что, я рядом, через забор. Хлеб утром принесу.

Она ушла, оставив на столе тарелку пирогов и ощущение недосказанности.

Вера обошла дом. На втором этаже ничего не изменилось: узкая кровать, письменный стол у окна, книжные полки до потолка, тётка собирала учебники и справочники по химии, будто собиралась учить весь город. На комоде стояла шкатулка с облупившимся лаком. Вера протянула к ней руку, но передумала. Завтра. После нотариуса. Сегодня достаточно того, что она здесь.

Когда она спустилась обратно на кухню, в калитку постучали. Не позвонили, а именно постучали, костяшками.

На крыльце стоял мужчина лет тридцати шести, в фор-

менной куртке под дождевиком, с лицом человека, который много спит урывками и не сердится на это. Высокий, не очень складный, с серыми, спокойными глазами и чуть кривоватой улыбкой.

— Вера Андреевна Лаврова? Участковый Седых, Артём Сергеевич. Заглянул представиться. Мы с вашей тётей были... — он замялся, подбирая слово, — приятелями. Она меня шахматам учила.

— Шахматам, — повторила Вера.

— Проигрывал ей четыре года подряд. Ни разу не выиграл. Вы, говорят, из следственного?

— Из бывших.

— Слышал. — Он не стал развивать тему, и Вера была ему за это благодарна. — Вы надолго?

— На сорок дней, — сказала она и сама услышала в этом нелепость. — По условиям завещания.

Артём Седых посмотрел на неё внимательно, как смотрят на собеседника, который только что произнёс вслух что-то, о чём все остальные молчали.

— Вы знаете условия?

— Нотариус написал мне письмо. Я должна прожить в доме сорок дней со дня оглашения. Если уеду раньше, дом переходит к Георгию Лаврову.

— Это Гоша, — сказал Артём. — Хороший парень. Должен всем деньги.

— Я слышала.

— От кого?

— От тётки. Три года назад. Она сказала: «Гоша опять в долгах, но с ним, по крайней мере, всё понятно».

Участковый кивнул.

— Вот именно. С Гошей всё понятно. — Он помолчал, глядя в сторону забора, где качались чёрные кусты. — Вера Андреевна, мой номер на холодильнике. Аглая Матвеевна сама приклеила. Если что...

— Если что?

— Если что-нибудь, — повторил он. И ушёл, оставив её с этим «что-нибудь» посреди кухни.

Вера налила себе чаю. Заварку из жестяной банки, которую помнила с детства. Села. Пироги пахли капустой и тмином. Ей вдруг ужасно захотелось, чтобы тётка вошла, поставила чайник, сказала: «Ну что, Верунька, приехала». Не вошла.

Она посмотрела на холодильник. Рядом с номером Артёма висел листок в клеточку, вырванный из школьной тетради. Вера не заметила его раньше: он был прикреплён к дверце магнитом в виде яблока и сливался с такими же листками про свет, воду и квитанции.

Почерк. Тот самый, учительский, твёрдый.

«Вера. Если ты читаешь это, значит, всё же приехала. Хорошо. Три правила на первые сутки:

Ничего не пей и не ешь, что тебе налили чужие руки.

Не доверяй тому, кто слишком быстро тебя утешает.

Не уезжай, пока не вскроешь шкатулку. Прости старую дуру. А.П.»

Вера перечитала дважды. Потом сняла листок с магнита и повернула обратной стороной: пусто. Дата вверху, мелкими цифрами: первое ноября. За одиннадцать дней до смерти.

Она подняла взгляд на кружку, перевёрнутую на сушилке. Белая, эмалированная, с трещинкой у края. Обычная кружка.

Вера не стала её трогать. Но весь вечер, пока топила печь, стелила постель и пыталась читать, она чувствовала, что кружка смотрит на неё из угла.

А за окном, в чёрном палисаднике, медленно качались жёсткие листья борца. Дождь не прекращался

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.